

глава седьмая

"ВОЛШЕБНЫЙ ИСПАНСКИЙ ЗАМОК"

Сиэтл, шт. Вашингтон

ноябрь 1960 - май 1961

« Волшебный испанский замок » был пантеоном рок-н-ролла на северо-западе. Если ты сделал это здесь, то ты это сделал »

- диджей из Сиэтла Пет О'дей

НА САМОМ ДЕЛЕ у Джими Хендрикса не занимало «половину дня» проезда к *Spanish Castle*, как он написал в своей композиции 1968 года «*Spanish Castle Magic*» о легендарной танцевальной площадке. На машине туда от *Централ Дистрикт* можно было доехать за час. Кроме того, поездка в этот клуб, несмотря на то, что клуб располагался в городе Кент, шт. Вашингтон, носила судьбоносный характер, так как это место было основным танцевальным клубом Северозапада, и играть здесь было мечтой местных музыкантов. Впервые Хендрикс приехал сюда в 1959 году, чтобы посмотреть *Фебьюла Веллерз*, наиболее популярная команда в эти времена этого региона. И он вернулся сюда, как только появилась такая возможность. Построенный в 1931 году, *Castle* вмещал 2 тысячи человек. Повсюду увешанное здание клуба неоновыми лампами и украшенное башнями на фасадах, окончательно обрело репутацию известного клуба Северо-Запада после того, как *Фебьюла Веллерз* в 1961 году выпустили живой альбом «*At the Castle*». Диджей Пат О’дей посетил большую часть концертов в этом зале. «*The Spanish Castle* был пантеоном во времена танцевальных рок-н-роллов на Северо-Западе», – говорил он. «Это было то место, где каждая местная группа очень хотела отыграть концерт».

Первое выступление на сцене *Castle* было в конце 1960, когда *Рокин Кингс* были на разогреве у другой группы. Само по себе выступление не было чем-то особенным, так как ребята сильно волновались, но к концу 1960 *Рокин Кингс* уже довольно часто приглашали на выступления. Они играли на фестивале в Сиэтле *Сифаез Фестивалз* и получили второй приз среди любителей «Все группы штата».

Хотя большинство посетителей *Castle* были белыми, клуб был смешанным и многие белые музыканты смешивали ритм-н-блюз и джаз. «На Северо-Западную сцену сильно повлияла афро-американская культура», – вспоминал Лари Кориел, который начинал карьеру в *Чекерз*, популярной группы в *Castle*. «Там была оригинальная музыка Северо-запада, отчасти из-за того, что Сиэтл был географически изолирован. Из-за чего искаженный ритм-н-блюзовый стиль *зе Вейлерз*, *зе Франтикс*, *зе Кигсмен* стал их самобытным стилем».

«*Луи, Луи*» было местной визитной карточкой, которую играли практически на каждом концерте практически каждая группа. Текст мог меняться, но мощный бит композиции – адаптированный вариант почти народной версии композиции Ричарда Бери – всегда оставался танцевальным. Отчасти под «искаженным» звуком Кориел подразумевал использование перегрузки на высокой громкости, и отчасти результат постоянного экспериментирования. «Вначале мы вырезали части от динамиков и запикивали туда полотенца и вставляли зубочистки в низкочастотные динамики, все, чтобы получить грубый фидбек», – вспоминал Джерри Миллер, который после играл с Моды Грейп. Эксперименты Джим с дисторшен начались примерно в это время, когда он толкнул свой усилитель и заметил, что во время толкания звук гитары меняется.

Не было группы лучшей в «искаженности и крутости», чем *Фебьюла Веллерз* из Такомы. Хотя они и были все *белыми*, у них был превосходный свой собственный ритм-н-блюзовый саунд, и их гитарист Ричард Денджл оказал огромное влияние на Джими. Денджл вспоминает, как Джими подошел к нему после выступления в *Castle* и поздравил того с классным выступлением. «Он был застенчивым пареньком, но явно старался польстить мне», – говорил Денджл. «Он попросил иметь его в виду, на тот случай, если нам понадобится второй гитарист». Эта идея на первый взгляд была абсурдна, однако стала свидетельством, как некогда застенчивый Джими попробовал продвинуть себя самостоятельно. Немногие афроамериканские гитаристы играли в *Castle*, и Джими безусловно выделялся на общем фоне.

О том, как Джими вертелся за сценой в *Castle* ходили легенды. Пат О’дей поведал наиболее распространенную: «Здесь слонялся худой черный паренек. Он подошел ко мне и очень вежливо сказал: «Мистер О’дей? Если у кого-нибудь сгорит усилитель, то в моем багажнике есть один. Он очень хороший. Но если он вам понадобится, то я тоже буду играть». Сгоревшие усилители в те времена были распространенным явлением. Предложение Джими было легким шантажом: Тебе нужен мой усилитель, берешь меня вместе с ним. Это история не без основательна – позже О’дей организовывал концерты *Jimi Hendrix Experience*, и он с Джими эмоционально вспоминали *Castle Magic*, – и была преувеличена, так как у Джими не было собственной машины, а его усилителем в то время был *Сильвертоун*, который только не музыкант мог назвать «очень хорошим». Друг Семи Дрейн вспоминал, что у одного из соседских парней, у которого был старенький *Меркури*, иногда привлекали поиграть в *Castle*. «Когда Джими писал строки «пол дня езды», он имел в виду поломку автомобиля, и тогда добраться до *Castle* действительно занимало пол дня».

Ненадежность автомобиля было частью испытаний для *Роккин Кинг*. Например, однажды когда у группы было запланировано неплохое выступление в Ванкувере, их машина сломалась под канадской границей. Тогда они отыграли незапланированный концерт в Беллингеме, шт. Вашингтон, пока их не прикрыла полиция. Оплата за их выступление смогла покрыть только автобусный билет обратно в Сиэтл. Оригинальный состав группы распался после катастрофического почти-тура, тем не менее, менеджер группы Джеймс Томас восстановил группу, в которой Джими досталась более важная роль в качестве вокалиста второго плана. Джими редко выступал в этой роли, оправдываясь, что его голос слишком слабый. Томас переименовал группу в *Томас энд за Томкетс*, возложив на себя роль фронтмена. В таком составе группа дала парочку концертов в деревеньках далеко от Сиэтла, но поломки автомобиля продолжали преследовать их. Одно выступление на востоке Вашингтона принесло группе 35 долларов, и это означало, что Джими поимел 6 долларов за викенд. Как бы то ни было, но деревенской аудитории нравилось выступление, в особенности соло Джими в композиции «*Кам он*» Ерла Кинга, которая стала главной в выступлении *Томкетс*. Группа была на подъеме уже направляясь домой, пока не попала в

снежную метель на востоке от Сиэтла. «Это было около четырех утра», – вспоминал Лестер Ексано, «мы были в Студебекере 1949 года Джеймса Томаса. Все были уставшими и мы встали у обочины немного вздремнуть, в надежде, что вскоре снег закончит идти». Когда они проснулись через два часа, метель перешла в бурю и они перепугались, что замерзнуть насмерть, если не продолжат движение. Ексано был за рулем, когда машина вылетела с дороги и ее раскрутило в ров. Никто не пострадал, но ребята сильно перепугались.

Однако Джими был более чем напуган. Он заявил, что его достали полуночные поездки в забитых машинах. «С меня хватит этого дерьма», – заявил он удивленным парням из группы. Затем он лег на снег и стал делать снежных ангелов. Остальная часть группы отправились на дорогу ловить тягач. Когда они вернулись через час, Джими до сих пор лежал в снегу и казался безжизненным, с натянутым на голову пальто. «Мы по-настоящему поверили, что он замерз», – вспоминал Эксано. Когда Лестер подошел к Джими проверить пульс, то гитарист вскочил и закричал: «Я надул вас. Вы меня просто так не убьете».

БОЛЬШИНСТВО ДРУЗЕЙ ДЖИМИ закончили школу весной 1961. Возможностей трудоустройства для молодого афро-американца было совсем немного, как правило, они ограничивались обслуживающим персоналом. И даже многие виды работ в сфере обслуживания, например, в универмаге, здесь были недоступны для *черных*. В конце 1950 черные в Сиэтле черным можно было покупать одежду в центральных магазинах, но нельзя ее было предварительно померить. С такими ограничениями. Некоторые друзья Джими, в том числе Терри Джонс и Джими Вильямс пошли в армию, что было наиболее распространенным среди афро-американских ребят после окончания средней школы.

Вылетев из школы, возможности Джими были более ограничены, чем у большинства. У него не было опыта работы, кроме того, что он помогал отцу по земляным работам и играл в группе. Когда друзья встречались друг с другом этой весной и спрашивали, есть ли у него работа, он всегда отвечал, что он работает в *Томкаст*. У него ничего не было кроме гитары и усилителя, однако этих драгоценностей ему хватало, чтобы мечтать о карьере гитариста. Когда Хенк Баллард и *зе Миднайтерс* ездили с туром, Джими достал бесплатный билет и посетил концерт с гитарой и усилителем на коленях. Затем он ходил за гитаристом Балларда и просил того показать парочку гитарных фишек, и тоскался за ним, пока тот наконец не поддавался уговорам. Джими всерьез стал себя предлагать, он мог быть очень ограничен в деньгах, но у него были большие амбиции и упорство. Даже во времена самых успешных выступлений *Томкетс* Джими получал менее 20 долларов в месяц. Большая часть из которых, уходила на покупку сценической одежды и

атрибутики для сцены. Джими было восемнадцать и формально он был взрослым, однако его жизнь до сих пор зависела от отца.

Пару раз этой весной он виделся с другой местной восходящей звездой: Брюсом Ли (который также родился 27 ноября, *прим. перевод.*). «Это было в *Империл Лейнс* вниз по *Райнер авеню*», вспоминал выпускник *Гартфилд* Денни Розенкрантц. К тому времени Ли был знаменит на местном уровне за свои показательные выступления по карате и склонность к дракам на парковочных площадках. Джими приходил сюда посмотреть на друзей – у него не хватало своих денег – и, кроме того, чтобы пожать руку человеку, который вскоре станет легендой единоборств, он вряд ли мог каким-то образом пообщаться.

Проблемы взаимодействия с отцом у Джими этой весной продолжались. Эл считал своего сына ленивым, и, так как теперь Джими был уже совершеннолетним, Эл меньше сдерживался в высказываниях. «Мой отец считал, что идея Джими стать музыкантом была полным дерьмом», – вспоминал Леон. «Он просто говорил, что музыка – это «дьявольское дельце». Эл по-прежнему хотел, чтобы его старший сын присоединился к его земельным работам по благоустройству. Джими ненавидел физический труд и идея работать, помогая отцу, была проклятием для него. Работа друг с другом не смогла преломить характер их отношений, и Джими жаловался, что все, что платил Эл ему всего лишь один доллар. Весной 1961 те, у кого работал Эл, рассказывали, что он бил Джими. В 1967 год в интервью Джими рассказывал об одном инциденте: «Он бил меня по лицу и я убежал». Леон помнит, что даже когда Джими был взрослым восемнадцатилетним парнем, Эл иногда устраивал ему порку ремнем.

Даже парням из *Рокин Кингз*, те у кого не было обеспеченных родителей, беднота Джими представлялась на грани нищеты. Тери Джоунс работал в закусочной, которая была напротив школы старших классов *Гардфилд*, и Джими часто заходил сюда бесплатно поесть. Джими был научен Тери, что заведение к закрытию выбрасывало непроданный бургеры и жаренную картошку. Даже когда была не смена Тери, Джими навевывался сюда до закрытия и просил дать ему еды, которая должна быть выброшена. Сперва работники недоумевали, что могла случиться с парнем, которого они знали со школы. Но вскоре они выяснили, насколько плачевной была ситуация Джими и стали делать для него бургеры из непроданных за день остатков. Иногда Джими везло настолько, что он мог взять половину своей порции домой. Но в большинстве случаев он быстро поедал любую пищу, какую бы ему не давали прямо здесь на парковке как дикое животное. Пока он ел, смотрел на противоположную сторону улицы на школу, в которую он больше никогда не попадет.

Джими продолжал встречаться с Бетти Джин Морган, хотя и было большой редкостью, когда он мог пригласить ее куда-либо еще кроме как погулять по парку. Тем не менее, этой весной он предложил ей выйти за него замуж. Его предложение было скоропалительным, и как сама Бетти так и ее родители никогда не рассматривали это предложение всерьез. «Моя мать

говорила, что я должна сначала закончить школ. Что должно было произойти не ранее 1963 года», – вспоминала она. Хотя ее родителям и нравился Джими и само собой разумеется, он должен для начала получить работу, что бы вступать в какие либо серьезные отношения с их дочерью.

Разговор о свадьбе сошел на нет в начале мая, когда Джими попал под наблюдение полиции Сиэтла. Второго мая 1961 года он был арестован за вождение украденного автомобиля. Его заключили под стражу ровно через дорогу от той квартиры, где он жил еще год назад. Когда Эл пришел за ним, Джими сказал тому, что не знал о том, что машина была украдена и что она была припаркована, когда его арестовали. Эл писал в своей автобиографии, что этот инцидент быстро загладился и что Джими «не следовало проводить хоть сколько-нибудь времени под стражей». Полицейские протоколы говорят об обратном: за первое преступление Джими провел один день в заключении, а потом отпущен, затем, через четыре дня, снова взят под стражу за вождение другого похищенного автомобиля. После повторного задержания через такой короткий промежуток времени, не нашлось аргументов, почему так произошло, и он провел следующие восемь суток в колонии. Неделя в тюрьме не положила конец делу, и Джими по-прежнему имел дело с судом и был приговорен условно и ему был назначен серьезный штраф.

Полицию Сиэтла в те времена постоянно обвиняли за то, что она перебарщивала с преследованиями *черных*. «Копы могли остановить тебя, даже если ты просто шел по улице», – вспоминал Терри Джонсон. В 1955 году мэр Сиэтла создал комиссию по расследованию поведения полиции в *Централ Дистрикт*. Отчет комиссии гласил, что большая часть полицейских считает, что «все негры носят ножи» и «те негры, которые ездят на Кадиллаках либо сутенеры либо торговцы наркотиками». Джими клялся, что он не крал автомобиль и не знал, что он был угнан. Тем не менее, его поставили перед фактом, что он сядет на пять лет, если у него возникнуть хоть какие-либо проблемы с полицией.

Хоть Джими и был мечтателем, но даже его буйная фантазия не могла представить, как он может заработать на жизнь будучи музыкантом в Сиэтле. Он уже проявлял интерес, что бы вступить в ряды военных новобранцев, тем более на горизонте маячил суд, и уход в армию он стал рассматривать более серьезно, так как прокуратура часто прощала наказание, если взамен идешь в армию. Ранее весной Джими уже пробовал пойти в военно-воздушные силы вместе с Энтони Атертоном. «В военкомате они взглянули на нас», – вспоминает Атертон, «и сказали, что мы не подходим по физическим показателям и не сможем перенести перегрузки во время полетов». Но более вероятная причина была в том, что молодые люди были *черными*; в те времена на всю американскую армию приходилось только парочку чернокожих пилотов.

Следующим выбором Джими стала армия. Он пошел в военкомат и попросился в 101-й *Аирборн Девижен*. Он читал в книге по истории о 101-м, и даже зарисовал знаменитый символ «вопящих орлов» в свой блокнот. «Он все говорил, как собирается получить одну из таких нашивок», – вспоминал

Леон. Поиметь такую нашивку стало навязчивой идеей Джими. Для парня, который скитался, без постоянного места жительства, что продолжалось и в более старшем возрасте, эта эмблема была большим стимулом.

На слушаньях суда для несовершеннолетних 16 мая 1961 года Джими представлял общественный защитник. Прокурор вынес двухлетний приговор с возможностью его замены для Джими на службу в армии. Этот приговор был занесен в личное дело Джими. На следующий день Джими подписал трехгодичный контракт на службу в армии. Его отъезд на поезде для прохождения первичной военной подготовки в *Форт Орд*, Калифорния, был запланирован на 29 мая. Если ему повезет, то он вступит в ряды легендарной 101-й *Аирборн Дивижен*, той дивизии, которая парашютировалась в тыл противника в день высадки союзников в Европе. Кроме нескольких поездок в младенчестве, Джими никогда не отъезжал от Сиэтла более чем на 200 миль. Он никогда прежде не летал на самолете и, тем более, не прыгал с парашютом.

За день до отъезда в тренировочный лагерь, Джими заключительный раз выступил в *Томкатс*. Это был фестиваль на открытом воздухе на *Медисон Стрит*, и группа играла прямо напротив *Бердленда*, клуба, в котором Джими провел свое первое выступление с *Вельвертоунс* почти три года назад. Чтобы посмотреть последнее выступление своего старшего брата, здесь присутствовал Леон, сюда также пришла и Бетти Джин Морган. После концерта Джими подарил Бетти Джин недорогое хрустальное колечко, которое он купил накануне, сообщив ей, что оно обручальное. Кроме того, он попросил Бетти Джин хранить его гитару, что, пожалуй, для него значило больше чем предложение, до тех пор, пока он не попросит ее выслать ему.

На уличном фестивале танцевали сотни людей, включая многочисленных бывших одноклассников Джими и соседских знакомых, которые знали его все восемнадцать лет жизни в Сиэтле. Одной из них было Кармен Гауди, которая пришла сюда с новым молодым человеком. Между Кармен и Джими не было никакой вражды, при этом она не чувствовала никакого сожаления, видя его снова на сцене. Будучи единственным человеком, который присутствовал на его первом выступлении – в подвале синагоги, выступления, после которого его выставили из группы – она не могла не отметить, насколько сильно вырос уровень его игры за столь короткое время. Теперь он был уверен в себе, хотя его соло были еще слишком откровенными, и его игра выглядела, как будто он рисует, что заставляло присутствующих акцентировать на нем внимание. «Во время игры, он по-прежнему был диковатым», – вспоминала она. «Однако он был хорош. Он был по-настоящему хорош».

На следующий день он сел на ночной поезд в Калифорнию. Джими уже совершал такую поездку полтора десятка лет назад со своей бабушкой Клерис и со своей матерью Люсиль, направляясь в Беркели. Для трехлетнего тот поезд был некой фантастической машиной мечты, но взрослым, он стал одинок еще до того, как отъезжал со станции. Джими провел свою молодость

на расстоянии не далее, чем эта станция, но поезд его снова увозил на Юг, от того места, которое он единственным когда-либо называл домом.